

Критика эволюціонной теоріи нравственности.

Эволюціонная теорія морали есть дальнѣйшее развитіе утилитаризма Милля. Мы уже отмѣтили то обстоятельство, что переходъ отъ эгоизма къ безкорыстному служенію благу другого не можетъ совершаться путемъ ассоціаціи представлений *на протяженіи одной индивидуальной жизни*. Этому утверженію Милля противорѣчатъ два факта. 1) Это прежде всего—неразрушимость нравственныхъ чувствъ въ здоровомъ сознаніи. Какъ бы сильно человѣкъ ни былъ убѣжденъ въ условности и необязательности нравственныхъ предписаній, дѣйствительное нарушеніе ихъ мститъ за себя невыносимыми страданіями совѣсти, доводящими иногда преступника до самоубійства. Если бы нравственныя чувствованія были обязаны своимъ возникновеніемъ ассоціаціи представлений, приобретенной на протяженіи одной индивидуальной жизни, то ихъ легко было бы и разрушить собственными усиліями въ теченіе этой послѣдней. 2) Вторымъ фактомъ, противорѣчающимъ мнѣнію Милля, является врожденность нравственныхъ чувствъ. Эволюціонная теорія и стремится поставить утилитаризмъ виѣ этихъ возраженій. Этого она думаетъ достигнуть, утверждая, что преобразование эгоизма въ безкорыстныя побужденія происходитъ не въ теченіе жизни одного недѣлимаго, а на протяженіи жизни цѣлаго рода. Опираясь на ученіе Дарвина о естественномъ подборѣ и происхожденіи инстинктовъ путемъ приспособленія къ средѣ, Спенсеръ и другіе эволюціонисты рисуютъ исторію этого преобразования.

Нравственность, по мнѣнію эволюціонистовъ, не есть необходимое свойство человѣка, существенно связанное съ его природою, а есть явленіе случайное. Нравственныя понятія и чувства непрерывно измѣняются сообразно съ временемъ, мѣстомъ и условіями жизни человѣка.

Эволюционисты приводят целый ряд примѣровъ, заимствованныхъ изъ дневниковъ миссіонеровъ, записокъ путешественниковъ и проч., въ доказательство того, что у дикихъ народовъ, представляющихъ собою типъ первобытной жизни человѣка, господствуютъ жестокіе нравы. Они утверждаютъ, что чувство состраданія къ страждущему совершенно неизвѣстно на этихъ ступеняхъ развитія, что среди дикихъ повсюду совершаются убійства, что жесточайшія издѣвательства надъ человѣческой жизнію служатъ тамъ предметомъ гордости и всѣми одобряются. Они доказываютъ, что первою ступенью нравственности служитъ людоедство, убійства стариковъ, оставленіе на произволъ судьбы больныхъ ¹⁾. Таковы по эволюціонной теоріи были первые шаги человечества въ области нравственности. Если таково было нравственное состояніе первобытнаго человѣка, то какимъ образомъ онъ пришелъ къ нравственнымъ понятіямъ, откуда явились въ немъ нравственныя чувствованія?

Покинуть эти жестокіе нравы и внести болѣе мягкости во взаимныя отношенія побудило первобытныхъ людей, по мнѣнію эволюционистовъ, себялюбіе и стремленіе къ самосохраненію. Нужда, которая, по словамъ Виргилія и Теокрита, есть изобрѣтательница всѣхъ искусствъ, дала человѣчеству и добродѣтель. Первобытный человѣкъ жилъ въ извѣстной физической и общественной средѣ. Онъ не могъ измѣнить эту, часто враждебную ему среду, согласно своимъ потребностямъ и желаніямъ; поэтому ему оставалась лишь одна возможность — измѣнить *самого себя* сообразно требованіямъ окружающей его среды, если только онъ не хотѣлъ быть раздавленнымъ и уничтоженнымъ ею ²⁾.

Это приспособленіе человѣка къ средѣ происходило механически, путемъ естественнаго подбора и помямо его яснаго сознанія. По естественной необходимости, чѣмъ менѣе человѣкъ соотвѣтствовалъ окружающей его средѣ, тѣмъ менѣе онъ могъ имѣть надежды на долготлѣтіе и обиліе потомства, и наоборотъ, чѣмъ болѣе онъ былъ вооруженъ

¹⁾ См. *Letourneau*. L'évolution de la morale, 1887. pp. 75—126. *Ibc*. Die Entstehung des Gewissens. 1885. SS. 13—25. *H. Spencer*. Kants Ethik. Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. B. 95. S. S. 57—61.

²⁾ *Spencer*. Основанія науки о нравственности. СПб. 1880 г., стр. 164.

для борьбы съ враждебными силами, тѣмъ продолжительнѣе и полнѣе могло быть его существованіе, тѣмъ больше потомковъ онъ могъ оставить послѣ себя. Далѣе, несомнѣнно, что въ мірѣ живыхъ существъ дѣйствуетъ еще законъ наслѣдственности, въ силу котораго потомкамъ передаются свойства ихъ родителей. Вслѣдствіе этого отъ родителей, дурно приспособленныхъ къ средѣ, рождаются такія же и дѣти, а отъ родителей сильныхъ и здоровыхъ происходитъ и потомство сильное и способное къ жизненной борьбѣ. Недѣлимая, дурно приспособленная къ средѣ, въ силу кратковременности своей жизни и своего безсилія, не позволяющаго имъ отнять самку у своихъ болѣе счастливыхъ соперниковъ, оставляетъ послѣ себя менѣе сильное и многочисленное потомство, чѣмъ индивидуумы здоровые и смѣлые. Такимъ образомъ, уже во второмъ поколѣніи потомство недѣлимыхъ, болѣе приспособленныхъ къ средѣ, будетъ имѣть численное превосходство надъ потомствомъ менѣе приспособленныхъ. Слабые потомки слабыхъ родителей, въ силу закона наслѣдственности и того же естественнаго подбора, должны будутъ повторить участь своихъ предковъ, т. е. прожить не долго и оставить послѣ себя малочисленное потомство. Такимъ образомъ борьба за существованіе и естественный подборъ сохраняютъ недѣлимыхъ, наиболѣе приспособленныхъ къ средѣ, т. е. самыхъ здоровыхъ, сильныхъ, хитрыхъ и умныхъ, а слабыхъ, больныхъ и глупыхъ заставляютъ вымирать. Природа не знаетъ жалости: она съ холодною жестокостью говоритъ: кто слабъ, тотъ не живи ¹⁾).

Какого же поведенія по отношенію къ самому себѣ и къ ближнимъ требовала среда отъ первобытнаго человѣка? Какимъ образомъ онъ долженъ былъ вести себя для того, чтобы обезпечить для себя и своего потомства побѣду въ борьбѣ за существованіе?

Человѣкъ, не удовлетворяющій своимъ естественнымъ физиологическимъ влеченіямъ или удовлетворяющій имъ ненормально, разстраиваетъ свое здоровье и погибаетъ раньше времени, оставляя послѣ себя малочисленное потомство, унаслѣдовавшее отъ него слабость и болѣзненность и обреченное на постепенное вымираніе. Между тѣмъ недѣли-

1) Ibidem, стр. 235.

мыя, безъ лишеній и излишествъ удовлетворяющіе свои фізіологическія потребности, живутъ долго и оставляютъ многочисленное и здоровое потомство, имѣющее много преимуществъ въ борьбѣ за существованіе. Такимъ образомъ, переживаютъ, могутъ имѣть виды на размноженіе только индивидуумы, ведущіе нормальный образъ жизни, т. е. гнушающіеся пьянствомъ, развратомъ и другими излишествами ¹⁾. Такъ развиваются личныя добродѣтели. Подобнымъ же образомъ развиваются и добродѣтели общественныя. Сюда прежде всего относится родительская любовь къ потомству. Родители, случайнымъ образомъ надѣленные болѣе чадолюбивыми склонностями, чѣмъ другіе, естественно лучше будутъ ухаживать за своими дѣтьми и вслѣдствіе этого большее количество ихъ дѣтей будетъ оставаться въ живыхъ и пользоваться лучшимъ здоровьемъ въ послѣдующей жизни, чѣмъ у родителей менѣе чадолюбивыхъ. Такимъ образомъ въ борьбѣ за существованіе побѣдителями останутся непременно потомки чадолюбивыхъ родителей, унаслѣдовавшіе отъ нихъ эту черту характера. Любовь къ дѣтямъ представляетъ прямой переходъ къ любви, имѣющей своимъ предметомъ людей—сначала связанныхъ между собою узами кровнаго родства, а затѣмъ и вовсе постороннихъ. Общественныя инстинкты способствуютъ сохраненію расы, вида, общества, подѣ защитою котораго живетъ недѣлимое, а слѣдовательно обезпечиваютъ и для него болшую продолжительность жизни. Житье вмѣстѣ возникло изъ того, что въ среднемъ выводѣ оно оказалось болѣе выгоднымъ для каждаго, чѣмъ житье порознь; а это предполагаетъ, что сохраненіе общественной комбинаціи есть сохраненіе условій болѣе удовлетворительной жизни для комбинировавшихся между собою личностей, чѣмъ та, которую имъ пришлось бы вести въ противномъ случаѣ. Отсюда слѣдуетъ, что общественное самосохраненіе становится ближайшею цѣлю, получающею законный перевѣсъ надъ конечною цѣлю, заключающеюся въ индивидуальномъ самосохраненіи ²⁾. Представимъ себѣ, что рядомъ живутъ два племени. Среди одного изъ нихъ господствуютъ жестокіе нравы и

---

¹⁾ Ibid., стр. 164.

²⁾ Ibid., стр. 166.

постоянныя убійства, другое болѣе миролюбиво и потому члены его тѣснѣе сплочены. Среди дикарей господствуетъ постоянная борьба между сосѣдними племенами. Въ случаѣ возникновенія борьбы между нашими воображаемыми племенами естественно побѣда останется на сторонѣ того, члены котораго способны дать дружный отпоръ врагамъ. Слѣдовательно, племя болѣе безнравственное по естественной необходимости должно будетъ или подчиниться племени съ болѣе развитою нравственностью и раствориться въ немъ, или быть истребленнымъ, т. е. въ томъ и другомъ случаѣ исчезнуть съ лица земли.

Итакъ, естественный подборъ сохраняетъ наиболѣе умѣренныхъ, чадолюбивыхъ и благожелательныхъ къ другимъ индивидуумовъ.

Но какимъ образомъ среди членовъ однороднаго первобытнаго общества, могли образоваться отклоненія въ сторону болѣе строгой нравственности, дающія имъ преимущество въ борьбѣ за существованіе?

Какъ ни слабо было развито сознаніе и мысль у первобытнаго человѣка, а все же онъ могъ подмѣтить, что для него вредно и что полезно. Онъ не могъ, напримѣръ, не замѣтить, что месть вредна для него. „Къ корыстолюбію и страху, которые побуждали замѣнить кровавую месть денежною пенею, скоро должна была присоединиться еще нужда, которая заставляла людей заботиться о мирѣ. Голодъ принуждалъ къ совокупному пользованію озеромъ, лѣсомъ, засѣву полей и жатвѣ общими усиліями“¹⁾.

Вынуждаемый необходимостью и чувствомъ самосохраненія, грубый и жестокій первобытный человѣкъ начиналъ ограничивать свой эгоизмъ въ пользу другихъ, заботиться о цѣлости своего племени, которое помогало ему въ его трудахъ и охраняло отъ враговъ. Мало по малу въ немъ образовалась привычка къ такому самоограниченію и заботѣ о другомъ. Въ силу соответствія между душою и тѣломъ, подъ вліяніемъ этой привычки въ нервной системѣ первобытнаго человѣка образовался нѣкоторый органъ, соответствующій его поведенію и чувствамъ по отношенію къ другимъ. Но привычка,

1) P. Rée Die Entstehung des Gewissens. 1885 S. 61—62.

создавшая для себя органъ въ нервной системѣ, становится уже инстинктомъ, который побуждаетъ человѣка къ соотвѣтствующей ему дѣятельности помимо его воли и сознанія. Образовавшись однажды и воплотившись въ нервныхъ центрахъ, нравственные инстинкты передаются наслѣдственно, какъ органическія функціи и какъ животные инстинкты,— конечно, только не съ такою силою. Относительно этихъ послѣднихъ нравственные инстинкты—недавнее приобрѣтеніе, и потому ихъ передача по наслѣдству имѣетъ неправильный и перемежающійся характеръ“¹⁾). У потомковъ эти инстинкты становятся еще могущественнѣе и устойчивѣе. Напримѣръ, мы не можемъ и помыслить безъ отвращенія объ употребленіи въ пищу человѣческаго мяса, тогда какъ дикари, у которыхъ людоедство—дѣло обычное, говорятъ о лакомомъ блюдѣ: „вкусно, какъ человѣческое мясо“. У насъ образовался инстинктъ, не позволяющій намъ упогреблять въ пищу мясо себѣ подобныхъ. Такъ же мы получили инстинктъ, запрещающій намъ убивать, грабить, воровать, лгать и проч. Уже послѣ того, какъ образовалось въ насъ инстинктивное отвращеніе отъ поступковъ этого рода, въ насъ появились нравственные идеи, выражающія въ отчетливыхъ понятіяхъ то, что уже дано въ темномъ инстинктивномъ стремленіи и отвращеніи. Эти идеи суть выраженіе нравственныхъ инстинктовъ переводъ чувства, воспитаннаго всѣмъ ходомъ историческаго развитія и общественной обстановки на языкъ отвлеченной мысли. Человѣкъ—существо мыслящее, и всѣ его стремленія и чувства имѣютъ склонность выразиться въ понятіяхъ. Будучи произведеніемъ среды, нравственность обыкновенно и находится въ тѣсномъ соотвѣтствіи съ нею. Такимъ образомъ, получаютъ весьма несходныя нравственные понятія, смотря потому, живетъ-ли человѣкъ въ состояніи, отличающемся постоянными и частыми войнами, или же въ состояніи вѣчнаго и общаго мира. „Не-навидь и губи своихъ собратьевъ людей,—раздается повелѣніе въ одну минуту; люби своихъ собратьевъ людей и оказывай имъ всяческую помощь,—слышится новое повелѣніе въ слѣдующую затѣмъ минуту. Пускай въ ходъ всѣ средства для обмана,—говоритъ одинъ кодексъ; будь правдивъ и вѣ-

¹⁾ *Letourneau*. Op. cit., p. 70.

рень въ словѣ и дѣлѣ,—говорить другой кодексъ. Хватай всякое имущество, какое ты только въ состояніи унести, и жги все то, чего ты не можешь взять съ собою,—вотъ приказъ, отдаваемый религіей вражды, тогда какъ религія дружелюбія осуждаетъ грабежъ и поджогъ, какъ преступленія“¹⁾. „Нравственные законы, поясняетъ въ свою очередь Летурно, не могутъ происходить иначе, какъ изъ образа жизни, общественнаго состоянія и нуждъ, относящихся къ этому состоянію“²⁾.

Такимъ образомъ, переходъ отъ эгоизма къ безкорыстной нравственности совершается, по мнѣнію эволюціонистовъ, постепенно, на протяженіи длиннаго ряда вѣковъ, при чемъ эти постепенныя пріобрѣтенія человѣчества закрѣпляются въ самой нервной системѣ и путемъ наслѣдственности передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Эта гипотеза объясняетъ два приведенныхъ выше факта, противорѣчащихъ утилитарной теоріи морали, и примиряетъ ихъ съ основными положеніями утилитаризма. Въ настоящее время нравственныя стремленія врождены и не поддаются усиліямъ индивидуальнаго сознанія освободиться отъ нихъ. Это происходитъ отъ того, что современный человѣкъ рождается съ извѣстнымъ устройствомъ нервной системы, выработаннымъ его предками и передаваемымъ наслѣдственно. Получая наслѣдственно этотъ складъ нервной системы, онъ получаетъ и его отправленія—нравственное чувство. Никто не въ силахъ далѣе измѣнить строеніе нервной системы, отсюда—неразрушимость нравственныхъ стремленій въ здоровомъ индивидуальномъ сознаніи. Такимъ образомъ, нравственность есть свойство, врожденное индивидууму, но пріобрѣтенное родомъ³⁾.

Въ основѣ эволюціонной теоріи, какъ видимъ, лежатъ слѣдующія утвержденія.

1) Первоначальная нравственная дикость человѣка и отсутствіе у него на этой ступени развитія другихъ мотивовъ дѣятельности, кромѣ эгоизма.

1) *Спенсеръ*. Основанія науки о нравственности. Стр. 167—168.

2) *Letourneau*. Op. cit., p. 69.

3) *Спенсеръ*. Ibid., стр. 153—154

2) Переживаніе недѣлимыхъ, по своему характеру болѣе удовлетворяющихъ требованіямъ нравственности.

3) Приобрѣтеніе ими, путемъ упражненія, нравственныхъ инстинктовъ.

4) Наслѣдственная передача этихъ инстинктовъ потомству.

Подвергнемъ критическому обсужденію каждое изъ этихъ утвержденій.

I. Входитъ въ подробный разборъ перваго положенія эволюціонной доктрины мы не будемъ, въ виду того, что этотъ пунктъ съ достаточною полнотою изслѣдованъ въ литературѣ противниковъ дарвинизма. Мы отвѣтимъ на него лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Противъ признанія первобытной нравственной дикости человека говоритъ то обстоятельство, что, согласно даннымъ этнографіи, есть народы, стоящіе очень низко въ культурномъ отношеніи, отличающіеся однако довольно высокою степенью нравственнаго развитія.

Впрочемъ, это положительное доказательство имѣетъ для эволюціонистовъ мало убѣдительности. Спенсеръ и Дарвинъ сами приводятъ въ своихъ сочиненіяхъ факты, свидѣтельствующіе о нравственныхъ отношеніяхъ между дикими. Это вполне понятно. Отрицающій всеобщность нравственности не имѣетъ нужды изслѣдовать нравы всѣхъ народовъ. Для его цѣли достаточно указать нѣсколько примѣровъ отсутствія нравственныхъ понятій. Хорошо понимая это, противники эволюціонистовъ обращаютъ болѣе вниманія на ихъ возраженія противъ всеобщности нравственности.

Доказательствомъ несостоятельности этихъ возраженій служатъ слѣдующія основанія.

1) Фактическій матеріаль, на который опираются эволюціонисты въ своихъ отрицаніяхъ всеобщности нравственнаго закона, долженъ быть значительно урѣзанъ. Онъ черпается часто изъ очень сомнительныхъ источниковъ, — напр., отзывы путешественниковъ и купцовъ, не имѣвшихъ достаточно познаній ни въ языкъ описываемыхъ народовъ, ни въ ихъ религіи и понятіяхъ, ни вообще въ сравнительной этнографіи, между тѣмъ какъ эти свѣдѣнія необходимы для пониманія истиннаго смысла многихъ явленій въ жизни дикихъ. Недостаточною подготовкою изслѣдователей объясняются ихъ противорѣчія въ сужденіяхъ объ одномъ и томъ же народѣ. Часто также, раздра-

живъ дикарскі вымогательствами и насиліями, вызвавъ со стороны ихъ непріязненные дѣйствія они рисуютъ ихъ правы, судя о нихъ по отношеніямъ дикихъ къ нимъ самимъ.

2) Слишкомъ суровые приговоры, произносимые европейцами надъ дѣйствительно существующими пороками и преступленіями младенчествующихъ народовъ, въ своей основѣ имѣютъ смѣшеніе поступка и намѣренія. Часто одно и тоже доброе намѣреніе проявляется въ различныхъ поступкахъ, въ зависимости отъ общаго развитія народа. Сюда относятся убійства стариковъ и жертвоприношеніе женъ на могилахъ мужей. Въ основѣ этихъ ужасныхъ обычаевъ лежитъ суевѣрное представленіе, что души стариковъ по своей слабости не могутъ бороться съ враждебными демонами, старающимися не допустить ихъ до блаженныхъ полей райа и что лишь души людей, умершихъ ранѣе утраты силъ, могутъ надѣяться безпрепятственно достигнуть блаженства. Чтобы обезпечить человѣку входъ въ рай, его и убиваютъ съ его собственнаго согласія и даже по его просьбѣ, когда дни его начинаютъ склоняться къ закату.

3) Наконецъ, узость круга нравственныхъ отношеній у дикихъ часто принимается за полное отсутствіе нравственности. Каждый народъ при современномъ состояніи развитія признаетъ законность нарушенія предписаній нравственности при извѣстныхъ обстоятельствахъ по отношенію къ извѣстнымъ лицамъ. Убійство и грабежъ вообще признаются дѣломъ дурнымъ, но разрѣшаются нравственнымъ кодексомъ европейцевъ по отношенію ко врагамъ внѣшнимъ во время войны и внутреннимъ—въ случаяхъ нарушенія законовъ. Если подобныя исключенія допускаются у цивилизованныхъ народовъ, то тѣмъ естественнѣе они у народовъ младенчествующихъ, жизнь которыхъ менѣе защищена отъ вторженія въ нее враждебныхъ силъ. Неудивительно, поэтому, что у народовъ, находящихся въ постоянной борьбѣ между собою, нравственность считается обязательно лишь по отношенію къ членамъ своего племени и вредной по отношенію къ сосѣдямъ. Такимъ образомъ, разница между нравственностію дикихъ и европейскихъ народовъ заключается только въ томъ, что у первыхъ кругъ примѣненія нравственныхъ отношеній уже, чѣмъ у вторыхъ, и что первые, побуждаемые необходимо-

стію, признають болѣе случаевъ, освобождающихъ отъ обязательности нравственнаго закона, чѣмъ вторые ¹⁾).

II. Итакъ, состояніе первоначальной дикости, служащее для эволюціонистовъ исходною точкою, должно бытъ признано недостаточно доказаннымъ ими. Но если бы первобытное человѣчество и было лишено нравственныхъ чувствъ и правилъ, то эти послѣднія не могли бы всетаки образоваться тѣмъ путемъ, который рисуютъ намъ эволюціонисты.

Въ основѣ всего ученія эволюціонистовъ лежитъ мысль, что нравственность выгодна для индивидуума, который ею отличается,—служить для него оружіемъ въ борьбѣ за существованіе, а потому и содѣйствуетъ переживанію его самого и его потомства. Съ этимъ положеніемъ не согласится ни одинъ человѣкъ, сколько нибудь присматривавшійся къ жизни. Борьба за существованіе болѣе задерживаетъ развитіе нравственности, чѣмъ способствуетъ ему. Если мы бросимъ взглядъ на окружающую насъ жизнь, то безъ труда замѣтимъ, что нравственно дѣйствуетъ человѣкъ только тамъ и постольку, гдѣ и поскольку оупь отказывается отъ закона борьбы за существованіе и, наоборотъ, борьба за существованіе служитъ всегдашнимъ побужденіемъ для поступковъ, не согласныхъ съ требованіями нравственности.

Нравственность представляетъ собою плохое оружіе въ борьбѣ за существованіе. Она есть одинъ изъ возможныхъ видовъ человѣческаго поведенія. Область возможнаго безгранична, поэтому человѣческая самозащита въ борьбѣ за существованіе можетъ бесконечно разнообразиться сообразно съ обстоятельствами, силами и особенностями противниковъ.

¹⁾ См. подробнѣе объ этомъ въ слѣзующихъ сочиненіяхъ: 1) *Kropotkin*. L'assistance mutuelle chez les sauvages. Revue scientifique 1867. 2) *Б. Каутскы*. Общественные инстинкты у людей. Стверный Вѣстникъ 1890 г., кн. 6 и 10; 3) *W. Schneider*. Allgemeinheit und Einheit des sittlichen Bewusstseins. Köln. 1895; 4) *Paul Janet*. La morale, Paris, 1880, pp. 391—447; 5) *O. Flügel*. Ueber die Entwicklung der sittlichen Ideen. Zeitschrift für Völkerpsychologie B. 12; 6) Довольно обширный матеріалъ для критики эволюціонизма можно найти также въ статьяхъ *и. Зигуркино*, хотя самъ авторъ и защищаетъ въ нихъ эту теорію. Одна изъ этихъ статей подъ заглавіемъ: „Генезисъ социальныхъ чувствъ“—наночатана въ журналѣ „Знаніе“ за 1887 г. кн. III, а вторая—„Борьба за существованіе и нравственное развитіе человѣка“—помѣщена въ журналѣ „Мысль“ за 1881 годъ.

Одинъ изъ этихъ возможныхъ видовъ поведенія узаконяется моралью, а всѣ прочіе отрицаются ею и осуждаются, какъ дурные. Представимъ себѣ теперь двухъ борющихся за существованіе людей, которые, при равенствѣ всѣхъ прочихъ условій, различались бы между собою только въ томъ, что *A* признавалъ бы для себя нравственный законъ обязательнымъ, а *B* считалъ бы его предразсудкомъ и былъ бы свободенъ отъ его требованій. Спрашивается: кто изъ нихъ остался бы побѣдителемъ? Ясное дѣло, что—наиболѣе вооруженный, а такимъ по необходимости оказался бы ничѣмъ не стѣсняемый въ своихъ дѣйствіяхъ *B*, для котораго открыты всѣ способы борьбы, тогда какъ *A* съ своею вѣрностью требованіямъ нравственности былъ бы почти безоружнымъ. Этимъ объясняется, почему при всякой борьбѣ человѣкъ стремится освободиться отъ стѣсняющихъ его требованій нравственности. Мораль обыкновенно уважается, пока дѣло не дошло до борьбы, но какъ только возникаетъ столкновеніе, такъ сейчасъ же объявляются всѣ средства дозволенными. Такъ бываетъ въ частной жизни, когда противники пускаютъ въ ходъ другъ противъ друга подпольную интригу, клевету и другія скрытыя, но вѣрныя средства; такъ бываетъ въ международныхъ отношеніяхъ, когда война даетъ разрѣшеніе на всѣ преступленія; наконецъ, то же случается въ борьбѣ религій и исповѣданій, когда начинаютъ поддѣлывать документы, интерполировать памятники и учреждать ордена, которые пишутъ на своемъ знамени: цѣль оправдываетъ средства ¹⁾. Поэтому, человѣкъ, всегда остающійся вѣрнымъ своему долгу, имѣетъ менѣе всего шансовъ на многочисленное потомство и менѣе всего можетъ надѣяться закрѣпить въ немъ прекрасныя свойства своего характера путемъ наслѣдственности,— а къ этому у эволюціонистовъ и сводится все дѣло. „Если аналогія съ принципомъ естественнаго подбора, говорить Вундтъ, дѣйствительно вѣрна, то въ такомъ случаѣ мало вѣроятія, чтобы побѣждали именно добродѣтельные и самоотверженные. Между пѣтухами, которыхъ держатъ на одномъ дворѣ, подъ конецъ остается всегда одинъ, наиболѣе властолюбивый и эгоистичный и

1) Иезуитскій орденъ возникъ тогда, когда протестантство дало почувствовать католичеству всю свою силу.

притомъ наиболѣе сильный. Если дѣло сводится на переживаніе болѣе сильныхъ и прочныхъ наклонностей, то эгоизмъ имѣетъ наибольшее вѣроятіе усилиться, благодаря естественному подбору¹⁾. Что въ животномъ царствѣ проявляется грубо, то въ человѣческомъ обществѣ смягчается и принимаетъ болѣе утонченныя формы. Съ точки зрѣнія борьбы за существованіе всякая мораль есть дѣло безразсудства и слабости. Въ борьбѣ за жизнь съ естественною необходимостью переживаютъ въ среднемъ выводѣ особи съ посредственнымъ нравственнымъ развитіемъ. Крайности, наоборотъ, осуждены на вымираніе. Грубый эгоизмъ, проявляющійся въ убійствахъ, насиліяхъ и другихъ рѣзкихъ формахъ, не выгоденъ для индивидуума, потому что вызываетъ дружный отпоръ со стороны всего общества и особенно со стороны пострадавшихъ. Человѣкъ, проникнутый имъ, подвергается преслѣдованію, мщенію, рискуетъ иногда заплатить собственною жизнью, и въ затруднительныхъ обстоятельствахъ предоставляется самому себѣ. Все это дѣлаетъ его менѣе вооруженнымъ и менѣе безопаснымъ въ борьбѣ за существованіе. Но еще невыгоднѣе положеніе человѣка, возвышающагося надъ нравственнымъ уровнемъ общества. Кто слишкомъ склоненъ жертвовать своею жизнью, имуществомъ и спокойствіемъ ради осуществленія нравственныхъ идей, тотъ не можетъ рассчитывать на долготлѣтіе. Представимъ себѣ человѣка, для котораго вѣрность требованіямъ нравственности дороже всего. Сегодня онъ едва не погибъ въ рѣкѣ, спасая утопающаго, вчера едва не сгорѣлъ, стараясь потушить пожаръ; вообще онъ слишкомъ поглощенъ общественною или научною дѣятельностью и имѣетъ мало времени для отдыха; его органическія траты ежедневно понемногу превышаютъ восполненіе тканей чрезъ пищу и сонъ; къ тому же онъ сострадателенъ къ бѣднымъ и, чтобы имѣть возможность помочь имъ, урѣзываетъ себя во всемъ и довольствуется жилищемъ, пищею и одеждою, далеко не удовлетворяющими требованіямъ современной гигиены. Прибавьте сюда препятствія, которыя онъ встрѣчаетъ на своемъ пути со стороны не понимающей его посредственности, и жестокія преслѣдованія со стороны людей противоположнаго

---

1) Вундтъ. Этика. Т. I, стр. 444.

склада, видящихъ въ немъ упрекъ для самихъ себя и преграду для осуществленія своихъ эгоистическихъ вождѣній, и вы поймете, какимъ слабымъ соперникомъ является такой индивидуумъ въ борьбѣ за существованіе. Онъ или падаетъ вдругъ жертвою своихъ великодушныхъ движеній и самоотверженныхъ порывовъ, или медленно умираетъ отъ истощенія силъ и дурной обстановки, — во всякомъ случаѣ не достигаетъ средняго возраста человѣка, а, слѣдовательно, и потомковъ имѣетъ менѣе, чѣмъ его счастливые соперники. Благоденствуютъ обыкновенно только умѣренность и аккуратность, умѣющая быть то нравственною, то безнравственною, смотря по обстоятельствамъ. Она дѣлаетъ добро, гдѣ это послѣднее одобряется и сейчасъ готова идти на сдѣлки съ совѣстью, какъ только добро становится невыгоднымъ для нея. Порою она можетъ повергнуть въ глубокое удивленіе утонченностью своей способности приспособленія. Гибкость ея нравственной организаціи дѣлаетъ ее неуязвимою въ борьбѣ за существованіе. А между тѣмъ ничто не противорѣчитъ такъ общечеловѣческому нравственному сознанію, какъ именно эта умѣренность и аккуратность.

Противъ приведенныхъ соображеній дарвинисты обыкновенно возражаютъ, что отрицающіе возможность происхожденіе нравственныхъ чувствованій при помощи естественнаго подбора, который, повидимому, способствуетъ развитію эгоизма, забываютъ, что кромѣ индивидуальной борьбы за существованіе есть еще борьба обществъ между собою.

Въ силу этого естественный подборъ содѣйствуетъ развитію лишь тѣхъ индивидуальных измѣненій, которыя необходимы для прочности общественныхъ единицъ, а такими и служатъ обыкновенно благожелательныя склонности. Въ борьбѣ за существованіе между человѣческими обществами побѣждать, безъ сомнѣнія тѣ, члены которыхъ сплочены болѣе между собою, т. е. менѣе враждуютъ между собою и менѣе даютъ поводовъ къ взаимной ненависти ¹⁾.

Съ своей стороны, мы должны возразить на это, что необходимо предварительное существованіе недѣлимыхъ для того, чтобы могла составиться изъ нихъ социальная единица.

1) „Мысль“ 1881 г. июль. Статья *Эуркато*: „Борьба за существованіе и нравственное развитіе человѣка“, стр. 63—65.

Если же особи, случайно надѣленные отъ природы болѣе сильными благожелательными наклонностями, чѣмъ окружающая ихъ среда, обречены на вымираніе въ силу естественнаго подбора, то конечно они не могли составить и общества, болѣе проникнутаго нравственными началами. Нельзя говорить, что самоотверженные характеры погибаютъ только въ отдѣльныхъ случаяхъ, но что въ общемъ они переживаютъ и побѣждаютъ. Если эволюціонная теорія хочетъ доказать, что въ общемъ имѣютъ преимущество въ борьбѣ за существованіе нравственныя наклонности, то она должна сдѣлать это очевиднымъ на отдѣльномъ случаѣ. Вполнѣ понятно, что самыя сильныя животныя являются побѣдителями въ борьбѣ за существованіе, потому что мы видимъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, что сильный побѣждаетъ слабого, но какимъ образомъ можно понять, что самоотверженные вообще должны побѣдить эгоистовъ, когда въ отдѣльныхъ случаяхъ побѣждаютъ обыкновенно послѣдніе?

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія борьбы за существованіе необъяснимъ переходъ отъ личнаго эгоизма къ племенной солидарности. Когда дарвинисты, оставивъ недѣлимое, обращаются къ общественной единицѣ, тогда въ такой же мѣрѣ становится непонятнымъ переходъ отъ племеннаго эгоизма къ междуплеменной и международной нравственности. Здѣсь повторяется то же самое, что мы замѣтили въ борьбѣ за существованіе между отдѣльными особями, т. е. наиболѣе эгоистическія соціальныя единицы будутъ всегда побѣждать и переживать племена, отличающіяся болѣе мягкимъ характеромъ.

Самъ авторъ приводимаго возраженія такимъ образомъ объясняетъ узость первобытной нравственности, распространившейся лишь на членовъ той соціальной единицы, къ которой принадлежитъ индивидуумъ: „узость первобытной нравственности весьма удовлетворительно объясняется теоріей естественнаго подбора. Эта узкая нравственность являлась такою особенностью первобытнаго общества, которую нельзя не присоединить къ числу покровительствующихъ. Правдивость, честность, состраданіе по отношенію къ соплеменникамъ нѣсомнѣнно содѣйствовали пріятности и силѣ той или другой общины; но если бы они были внесены и въ отношенія съ чужеземцами, то это едва ли бы могло

быть полезнымъ для общины, рѣшившейся на такой смѣлый шагъ. Правдивый, честный образъ дѣйствій въ отношеніяхъ съ людьми, съ которыми находишься въ состояніи хронической борьбы, былъ бы признанъ не совсѣмъ благоразумнымъ даже среди европейскихъ націй. Враждовавшія между собою первобытныя общества нуждались въ такой нравственности, которая дѣлала бы ихъ болѣе сильными, но не давала бы въ то же время какихъ-нибудь преимуществъ ихъ врагамъ. Ограниченіе примѣненія требованій морали тѣспыми предѣлами извѣстной общины вполне удовлетворяло этой потребности первобытныхъ обществъ¹⁾.

Какъ же послѣ этого объяснить возникновеніе нравственныхъ отношеній между отдѣльными социальными единицами? Если оставаться вѣрнымъ принципу борьбы за существованіе, то нужно сослаться для объясненія этого на борьбу еще болѣе крупныхъ социальныхъ единицъ, составляющихся изъ первыхъ. Но здѣсь вопросъ только нѣсколько отодвигается, но не рѣшается, потому что нельзя идти въ безконечность и не свести все человѣчество къ болѣе или менѣе крупнымъ и враждебнымъ другъ другу группамъ. Тогда явится вопросъ, какимъ образомъ между этими группами возникли нравственныя отношенія, вопросъ, неразрѣшимый съ точки зрѣнія борьбы за существованіе. Такимъ образомъ, принципъ дарвинизма—естественный подборъ—по меньшей мѣрѣ нужно признать недостаточнымъ для объясненія происхожденія нравственности во всемъ ея объемѣ, т. е. нравственности индивидуальной и международной.

Итакъ, разсматривая вопросъ, возможно ли возникновеніе нравственности изъ борьбы за существованіе, мы должны дать на него отрицательный отвѣтъ, потому, что нравственность не выгодна въ борьбѣ за существованіе.

Какое же однако значеніе имѣетъ борьба за существованіе и естественный подборъ въ исторіи нравственности?—Чисто отрицательное. Ранѣе мы сказали, что эгоизмъ есть явленіе болѣе частое, а безкорыстіе — почти исключеніе. Вслѣдствіе этого наука, основанная на аксіомѣ эгоизма²⁾,

1) Мысль 1881, июль. Та же статья. Стр. 76.

2) Напримѣръ, Политическая экономія въ трактатѣ объ обмѣнѣ стремится дедуктивно вывести свои положенія изъ аксіомы: каждый стремится

можетъ быть точной; наоборотъ, этика, въ основѣ которой лежитъ исключеніе, никогда не можетъ быть точной. Вслѣдствіе преобладанія въ человѣческомъ обществѣ эгоизма можно заранѣе предсказать, что при столкновеніи нравственныхъ требованій съ инстинктомъ самосохраненія въ общемъ первыя будутъ или совсѣмъ принесены въ жертву второму, или же пострадаютъ въ большей или меньшей степени въ зависимости, съ одной стороны, отъ силы нравственныхъ побужденій, а съ другой—отъ настоятельности нужды, влекущей въ противоположную сторону. При подобныхъ столкновеніяхъ найдутся, конечно, люди, которые предпочтутъ смерть нарушенію нравственнаго закона. Но эти единичные случаи потонутъ въ массѣ эгоистическихъ рѣшеній, не оказывая на нихъ замѣтнаго вліянія. Предположимъ, что на одномъ изъ острововъ океана, отдаленномъ на сотни миль отъ материка, живетъ племя, отличающееся дружелюбіемъ, взаимопомощью и благожелательностью во взаимныхъ отношеніяхъ. Существованія такихъ племенъ не отрицаютъ и эволюціонисты. Допустимъ далѣе, что на этомъ островѣ въ силу какихъ-нибудь причинъ явился недостатокъ въ пищѣ, такъ что жители его оказались бы вынужденными выбирать между смертію и употребленіемъ въ пищу человѣческаго мяса. Такъ какъ эгоизмъ въ человѣческомъ обществѣ представляетъ собою явленіе болѣе частое, то вѣроятнѣе всего, что большинство предпочтетъ послѣднее, стараясь конечно по возможности мнѣе противорѣчить нравственному чувству, напимѣръ, пожирать лишь трупы и не убивать живыхъ. Но разъ необходимость людоедства будетъ ослаблена или устранена, требованія нравственности войдутъ въ силу сами собою. Справедливость этого подтверждается исторіей нравственности. Полагаютъ, что людоедство у дикихъ возникло вслѣдствіе крайняго недостатка пищи. Дикарямъ часто приходится страдать отъ голода, а въ виду голодной смерти всегда и вездѣ прибѣгали къ людоедству. Даже европейцы, липившись послѣ кораблекрушенія всѣхъ сѣстныхъ припасовъ, часто по жребію убивали другъ друга и питались

продать продукты своего труда по возможно дорогой цѣнѣ, а каждый покупатель стремится, наоборотъ, приобрести ихъ возможно дешевле.

мясомъ своихъ товарищей. Если бы наши большіе города постигъ неизбежный голодъ, и обстоятельства исключали бы всякую надежду на его скорое прекращеніе, то и среди нихъ возникло бы людоѣдство, подобно тому, какъ это было въ Иерусалимѣ во время осады его римлянами. На островахъ Южнаго оксана, гдѣ болѣе всего распространено людоѣдство, встрѣчается крайній недостатокъ въ животной пищѣ. Полагаютъ, что Новозеландцы пришли къ каннибализму только послѣ истребленія большихъ птицъ на своемъ островѣ. Понятно послѣ этого, что разведеніе домашнихъ животныхъ могло бы содѣйствовать миссіонерамъ въ ихъ стараніяхъ уничтожить ихъ кровавый обычай. „Хорошо вамъ говорить, отвѣтилъ на упрекъ англійскаго капитана одинъ дикарь: въ вашей землѣ много быковъ; у насъ же пѣтъ быковъ, а есть только люди“. Католическіе миссіонеры на одномъ изъ океаническихъ острововъ достигли своей цѣли посредствомъ того, что пустили свиней, которыя плодятся очень скоро и чрезъ непродолжительное время могутъ служить хорошо дичью для прокормленія островитянъ.

Степень цивилизаціи не всегда соотвѣтствуетъ степени нравственнаго развитія народа. Есть полудикія племена, стоящія въ нравственномъ отношеніи выше, на примѣръ, Грековъ и Римлянъ. Интересно въ этомъ отношеніи сравненіе нравственнаго состоянія племенъ *Varea* и *Kinama* и классическихъ народовъ, дѣлаемое Ферреро ¹⁾. По свидѣтельству путешественниковъ, основнымъ требованіемъ обычаевъ этихъ племенъ служитъ положеніе, что человѣка не должно приносить въ жертву вещи. Воръ не подвергается никакому взысканію, но пострадавшій получаетъ разрѣшеніе возвратитъ себѣ похищенную вещь, не нанося никакого личнаго ущерба похитителю. Заимодавецъ имѣетъ право взять у неисправнаго должника вещь, равную по цѣнѣ занятой суммѣ, но не можетъ причинить ему никакого насилія. Отношеніе къ рабамъ въ высшей степени мягкое. Недовольный рабъ, оставившій домъ своего господина, дѣлается свободнымъ и получаетъ всѣ права. Наоборотъ, въ Римѣ законы по отношенію къ неисправнымъ должникамъ были жестоки: заимодавецъ могъ обра-

¹⁾ Въ статьѣ *Le progres moral*, напечатанной въ *Revue philosophique* за 1891 г. N 12.

тить ихъ въ рабство, даже убить. По закону 12 таблицъ, воръ, застигнутый на мѣстѣ преступленія, могъ быть убитъ. Законы относительно рабовъ тоже были очень суровы. Рабъ сдѣлался выучнымъ животнымъ, дурно содержимымъ, обремененнымъ работой, закованнымъ въ цѣпи и лишенымъ всякихъ правъ.

Гдѣ причина такой прремѣны? Она заключается въ томъ, что потребности въ Греціи и Римѣ чрезвычайно возросли сравнительно съ жителями полудикихъ странъ, съ ихъ патриархальнымъ устройствомъ, простыми правами и незатѣйливыми запросами отъ жизни. Средствомъ удовлетворенія этихъ возросшихъ потребностей сдѣлалась собственность. Отсюда обостреніе борьбы за болѣе полное удовлетвореніе потребностей и за накопленіе собственности, отразившееся такъ дурно на должникахъ, ворахъ и рабахъ ¹⁾. Такимъ образомъ, по мѣрѣ обостренія борьбы за существованіе ослабляются нравственныя отношенія между людьми и—наоборотъ.

Нравственное развитіе человѣчества и состоитъ именно въ постепенной побѣдѣ надъ естественнымъ закономъ борьбы за существованіе. Въ современномъ благоустроенномъ обществѣ проявленія борьбы уже не такъ грубы, какъ въ обществѣ первобытномъ. Прямая истребительная война и пограніе правъ другого смѣнилась соперничествомъ (конкуренціей). Развитіе человѣчества стремится не только къ смягченію проявленій борьбы, но и къ уничтоженію самой причины этой борьбы. Причина ея заключается въ томъ, что спросъ на средства къ жизни со стороны людей превышаетъ ихъ предложеніе со стороны природы, такъ что каждая особь, желающая выжить, поставлена въ роковую необходимость губить другія особи, если не лишая ихъ путемъ прямой или косвенной борьбы тѣхъ средствъ, которыя находятся въ ихъ пользованіи, то добывая тѣ средства, которыя могли бы добыть другіе, и тѣмъ оставляя послѣднихъ на погибель. Увеличить производительность труда, значить уменьшить необходимость взаимной борьбы. Къ этому и направляется экономическое развитіе общества.

— — —
¹⁾ Ferrero. Les conditions du progrès moral. Revue Philosophique 1894 N° 24.

Сюда относятся уже первыя техническія изобрѣтенія, посредствомъ которыхъ человѣкъ получаетъ возможность добывать пищу, прежде для него недоступную, и дѣлать ее питательнѣе и удобоваримѣе; оружіе, приготовленіе посуды, прирученіе животныхъ, искусственное добываніе огня, потомъ введеніе сотрудничества, организація труда и разныя соціальныя улучшенія—все это увеличило средства къ существованію. Такимъ образомъ, если социализмъ и новѣйшее экономическое движеніе въ Западной Европѣ, стремящіяся, съ одной стороны, къ болѣе равномерному распредѣленію благъ жизни, а съ другой,—къ ихъ количественному увеличенію и качественному улучшенію, можетъ имѣть нравственное оправданіе, то лишь съ той стороны, что достиженіе этихъ идеаловъ ведетъ къ ослабленію борьбы за существованіе и уменьшенію поводовъ или искушеній къ поведенію, противному нравственности человѣка. Конечно, само по себѣ увеличеніе матеріальныхъ средствъ къ жизни не можетъ уничтожить все нравственное зло, которымъ такъ богато наше общество.

Пусть производительность земнаго шара увеличится въ тысячу разъ, но если развитіе экономическаго благосостоянія не будетъ сопровождаться развитіемъ нравственности, то люди не перестанутъ губить другъ друга. Каждому желательно будетъ имѣть какъ можно больше и онъ будетъ отнимать у слабого ¹⁾). Несомнѣнно однако то, что борьба за существованіе есть главнѣйшее препятствіе къ развитію нравственности. Значеніе этого закона въ нравственномъ развитіи подобно дѣйствию маятника въ часахъ: маятникъ позволяетъ часовой пружинѣ развертываться только постепенно. Если его устранить, пружина развернется въ 2—3 секунды. Точно также нравственныя основы человѣческаго существа, если не брать во вниманіе тѣхъ противодѣйствій нравственному образу дѣйствій, которыя лежатъ въ самой природѣ человѣка, весьма скоро установили бы въ обществѣ отношенія, служація въ настоящее время лишь предметомъ мечтаній для идеалистовъ, но этому препятствуетъ именно законъ борьбы за существованіе.

III. Эволюціонисты утверждаютъ, что навыкъ къ поведе-

1) *Картевъ*. Философія исторіи Т. II, стр. 320—325.

нію, наиболѣе соотвѣтствующему средѣ, мало по малу воплотился въ нервную и тѣлесную организацію человѣка и потому превратился въ инстинктъ, побуждающій къ поведенію, согласному съ требованіями нравственности.

Подъ инстинктомъ разумѣется обыкновенно стремленіе къ совершенію извѣстнаго рода дѣйствій, конечная цѣль которыхъ или не сознается или не имѣется въ виду. Напримеръ, нѣкоторыя насѣкомыя, питающіяся растительною пищею, кладутъ свои яички въ трупы животныхъ. Подъ вліяніемъ таинственнаго внутренняго побужденія они совершаютъ для этого цѣлый рядъ дѣйствій. Дѣйствія эти цѣлесообразны: они направляются къ обезпеченію пищею будущаго потомства. Личинки этого насѣкомаго плотоядны, поэтому вышедши изъ яичекъ, онѣ имѣютъ предъ собою достаточный запасъ пищи. Эта конечная цѣль совершенно не сознается насѣкомыми. Причина такихъ цѣлесообразныхъ дѣйствій животныхъ заключается въ строеніи ихъ нервовъ и мускуловъ. Въ ихъ тѣлѣ есть сложный аппаратъ, приспособленный для этой цѣли и дѣйствующій автоматически. По мнѣнію эволюціонистовъ, нравственныя стремленія человѣка суть тоже инстинкты. Они цѣлесообразны, потому что посредствомъ ихъ достигается сохраненіе рода. Но этой цѣли человѣкъ непосредственно не сознаетъ. Ему кажется, что онъ дѣлаетъ добро не ради этой конечной цѣли, а ради него самого. Человѣкъ слѣпо подчиняется ему, потому что нравственныя стремленія глубоко заложены въ устройствѣ его нервовъ и мозга.

Съ такимъ мнѣніемъ согласиться нельзя. Уже одна сложность и разнообразіе жизни человѣка дѣлаютъ невозможнымъ возникновеніе въ немъ инстинктовъ. Инстинкты животнаго отличаются строго опредѣленнымъ характеромъ. Жизнь животнаго узка, впечатлѣнія немногочисленны, цѣли строго опредѣлены. Легко поэтому понять, какъ въ его тѣлѣ отъ многочисленнаго повторенія извѣстныхъ дѣйствій и притомъ всякій разъ съ буквальною точностью, образуется извѣстный механизмъ, способный совершать эти дѣйствія уже автоматически. Но жизнь человѣка гораздо сложнѣе и выше. Онъ одаренъ умомъ, благодаря которому впечатлѣнія, производимыя на него средою, возрастаютъ количественно до безконечности. Мы открыты множеству впечатлѣній, которыхъ не

знаеть животное. Впечатлѣнія эти часто находятся въ борьбѣ между собою, взаимно ослабляютъ другъ друга и потому могутъ оставлять лишь слабые слѣды въ нервной системѣ. Сверхъ того въ человѣческомъ обществѣ отношенія между его членами чрезвычайно усложняются, а, слѣдовательно, и нравственное поведеніе усложняется въ такой же мѣрѣ. Такимъ образомъ, наслѣдственность, посредствомъ которой съ успѣхомъ передается отъ одного животнаго къ другому способность къ опредѣленному и несложному образу дѣятельности, теряетъ почти всю свою силу, когда дѣло идетъ о передачѣ человѣку добродѣтелей, столь отвлеченныхъ въ своемъ общемъ выраженіи и принимающихъ столь разнообразныя оттѣнки въ своихъ частныхъ обнаруженіяхъ, въ своемъ примѣненіи къ практической дѣятельности, какъ, на примѣръ, справедливость ¹⁾). Такимъ образомъ, рѣзко отвлечено, мы должны уже признать, что изъ сложной дѣятельности человѣка не могутъ образоваться нравственные инстинкты. Опытъ подтверждаетъ этотъ выводъ. Нравственные стремленія человѣка отличаются такими свойствами, которыя не позволяютъ отождествлять ихъ съ инстинктомъ. Сюда принадлежитъ быстрая измѣняемость нравственныхъ понятій. Если бы послѣднія были только переводомъ на языкъ отвлеченной мысли безотчетныхъ побужденій къ извѣстному роду дѣятельности, обусловливаемыхъ измѣненіями нервной системы, которыя возникли вслѣдствіе вѣкового приспособленія къ окружающей средѣ, то не только были бы невозможны такъ называемые мгновенныя нравственные перевороты, но и болѣе или менѣе постепенныя измѣненія нравственныхъ понятій и характера дѣятельности въ теченіе жизни индивидуума. Ясно, что органическія измѣненія нервной системы, накопившіяся въ теченіе тысячелѣтій и передаваемыя по наслѣдству чрезъ длинный рядъ предковъ, не могутъ быть измѣнены мгновенно или на протяженіи жизни одного индивидуума, а слѣдовательно и нравственные понятія послѣдняго не могли бы быть измѣнены никакими усиліями воспитанія, если бы они строго соответствовали органическимъ особенностямъ его нервной системы. Между тѣмъ нравственные перевороты въ жизни отдѣльныхъ лицъ и въ

¹⁾ *Guyon* La morale Anglaise conten.poraine. p. 326—332.

жизни одного поколѣнія представляютъ собою довольно обычное явленіе. Особенно многозначительны въ этомъ отношеніи измѣненія нравовъ дикарей подъ вліяніемъ проповѣди христіанскихъ миссіонеровъ. Опытъ показываетъ, что не только отдѣльные дикари, но и цѣлыя племена могутъ быть подняты въ довольно короткое время на высокую ступень нравственнаго развитія и цивилизаціи. Іезуитскіе миссіонеры въ сѣверной и южной Америкѣ, особенно въ Парагваѣ, достигли того, что собрали вокругъ себя блуждающія въ лѣсахъ племена дикихъ и въ короткое время привили имъ трудолюбіе и христіанскія добродѣтели. Очевидцы сообщаютъ, что нравственная жизнь новообращенныхъ можетъ выдержать сравненіе съ жизнью лучшихъ христіанскихъ общинъ въ Европѣ ¹⁾. Въ 1823 году капитанъ Дюперье представилъ морскому министерству Франціи докладъ объ архипелагахъ Полинезіи и специально объ островѣ Таити. Онъ зналъ прошедшее этого кроваваго острова, гдѣ печи назначенныя для варенія человѣческихъ тѣлъ никогда не погасали, и онъ указалъ чудесную переимѣну, совершенную трудами лондонскихъ миссіонеровъ, которые успѣли сдѣлать изъ этого дикаго населенія народъ кроткій и образованный ²⁾. Въ 1820 году первые миссіонеры причалили къ берегамъ Сандвичевыхъ острововъ. Жители ихъ представляли всѣ черты самыхъ развращенныхъ населеній, за исключеніемъ, можетъ быть, людоедства. Рабство, полигамія, человѣческія жертвоприношенія, абсолютный деспотизмъ, непрестанныя войны, ужасныя или смѣшныя суевѣрія — все это было тамъ. Черезъ 50 лѣтъ представительное управленіе было утверждено тамъ на прочныхъ основаніяхъ. Просвѣщеніе сдѣлалось общимъ удѣломъ, признана была религіозная свобода, благотворительность сдѣлала такіе широкіе успѣхи, что въ 1870 году Франція получила отъ этихъ эксъ-дикарей 100,000 франковъ ³⁾. По свидѣтельству Казалиса, африканскаго миссіонера, передаваемому Прессансе, христіанская миссія подвинула умственное и религіозное развитіе одного грубаго африканскаго племени до такой степени, что изъ среды его

1) *Cathrein*. Die Sittenlehre des Darwinismus. S. 113.

2) *Навилъ*. Христосъ. Стр. 140—141.

3) *Ibidem*. Стр. 142—143.

вышли миссіонеры, которые горѣли желаніемъ нести проповѣдь Евангелія въ центральную Африку къ берегамъ Замбезе, по слѣдамъ Куальяра (Coillard), вѣрнаго продолжателя дѣла Ливингстона. Одинъ изъ этихъ туземныхъ апостоловъ, отецъ котораго, быть можетъ, былъ людоѣдомъ, умеръ отъ трудовъ и опасностей при первой развѣдкѣ, хвала Бога за то, что его могила послужить краеугольнымъ камнемъ для будущей миссіи. Тэйлоръ, миссіонеръ въ Сенегалѣ, одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ проповѣдниковъ, прославившійся краснорѣчіемъ и глубиною мысли, былъ негръ, родители котораго были возвращены по договору въ Африку. Но еще болѣе онъ прославился подвигами самоотверженія. Во время ужасной эпидеміи въ Сенегалѣ онъ возбуждалъ всеобщее удивленіе. Множество европейцевъ съ благодарностью получили отъ него слово утѣшенія. Отсюда съ очевидностію вытекаетъ, что послѣдній изъ дикарей можетъ усвоить возвышеннѣйшія истины религіи и нравственности и въ свою очередь сообщить ихъ своимъ соотечественникамъ¹⁾.

Такія же быстрыя перемѣны возможны и въ обратную сторону. Если бы мирное состояніе общества было обязано своимъ существованіемъ нравственнымъ инстинктамъ, воплотившимся въ извѣстномъ строеніи нервной системы его членовъ, то совершенно невозможны были бы случаи внезапнаго и временнаго одичанія среди цивилизованныхъ народовъ. Французская революція превратила мирныхъ гражданъ въ хищныхъ животныхъ, своею жестокостію превзошедшихъ самыя свирѣпыя племена дикарей. Солдатъ, въ мирное время честный и добродушный, съ покойною совѣстію разрушаетъ чужую собственность и хладнокровною рукою убиваетъ своихъ враговъ, какъ только объявляется война.

Итакъ, нравственность способна быстро измѣняться какъ въ хорошую, такъ и въ дурную сторону. Это показываетъ, что она зависитъ не отъ органическаго механизма нервной системы, спеціально завѣдующаго отправленіями нравственнаго порядка, потому что измѣненія нервной системы, развивающіяся, какъ полагаютъ эволюціонисты, въ теченіе тысячелѣтій, не могутъ колебаться быстрыми скачками въ

1) *Pressensè*. Les origines, p. 505—506.

ту или другую сторону. Тамъ, гдѣ извѣстный родъ дѣятельности зависитъ отъ органическихъ причинъ, не бываетъ такихъ колебаній. Это подтверждается устойчивостью инстинктовъ животнаго. Паукъ строитъ свою паутину въ настоящее время такъ же искусно, какъ и во дни Соломона, который причисляетъ его къ малымъ земли, которые однако мудры. (Притчи Соломона 30, 24. 28). Шестигранная ячейка пчель вызывала такое удивленіе у Виргилія, что онъ вѣрилъ, будто пчеламъ присуща часть божественной мудрости. Если бы нравственность человѣка была такимъ же инстинктомъ, какъ и прочіе инстинкты животнаго, то измѣнчивость нравовъ и сравнительная быстрота нравственного развитія, которую легко отмѣтить въ исторіи, были бы совершенно невозможны.

Кромѣ указаннаго явленія, необъяснимаго при предположеніи органическихъ основъ нравственности, противъ этого предположенія эволюціонной теоріи говорятъ еще два факта.

а) Такъ какъ инстинкты животныхъ зависятъ отъ соответствующаго имъ тѣлеснаго устройства, то они начинаютъ проявляться независимо отъ опыта и воспитанія: развившись до необходимой степени, органической механизмъ начинаетъ дѣйствовать самъ собою и производитъ рядъ инстинктивныхъ дѣйствій. Молодая черепаха, только что вылупившись изъ яйца, ползетъ по прямой линіи къ морю, о которомъ не имѣетъ никакого представленія. Если и у человѣка нравственность зависитъ отъ соответствующаго нервнаго механизма, получаемаго наследственно, то и онъ могъ бы обходиться безъ нравственнаго воспитанія и воспроизводить нравственный типъ своихъ родителей, въ какой бы средѣ онъ ни выросъ. Дѣйствительность однако этого не оправдываетъ.

Предположимъ, что наиболѣе сострадательный и отъ природы надѣленный самыми добрыми склонностями европеецъ тотчасъ послѣ рожденія былъ бы перенесенъ къ людоедамъ Африки или Полинезіи и воспитался бы въ ихъ обществѣ. По всей вѣроятности, возмужавши, онъ не сдѣлался бы проповѣдникомъ безусловной цѣнности человѣческой личности и не сталъ бы возвышать голосъ противъ убійствъ во всякомъ видѣ, будутъ ли они называться войною или смертною казнію. Скорѣе онъ призналъ бы бесспорную пользу

войны, такъ какъ она даетъ пищу болѣе вкусную и болѣе обильную, чѣмъ мирное время. А между тѣмъ отвращеніе отъ людоедства болѣе всего напоминаетъ собою инстинктъ, потому что возбуждаетъ въ насъ чисто физическое неприятное чувство при одномъ воспоминаніи о немъ. Поэтому, если и можно допустить моральную наслѣдственность, то не иначе, какъ въ формѣ общаго предрасположенія, способствующаго развитію нравственнаго характера, а никакъ не въ формѣ инстинктовъ, опредѣляющихъ собою нравственное поведеніе въ тѣхъ или другихъ случаяхъ.

б) Изъ опыта мы убѣждаемся, что въ жертву нравственнымъ потребностямъ приносятся самыя сильныя и укоренившіеся инстинкты. Этого не могло бы быть, если бы первыя были также инстинктами. Возьмемъ два борющихся инстинкта. Какой изъ нихъ долженъ побѣдить? Конечно тотъ, который сильнѣе. Но чѣмъ обуславливается сила инстинкта? Она обуславливается необходимостью этого инстинкта для сохраненія индивидуума и его постоянствомъ или продолжительностію его существованія въ извѣстномъ классѣ животныхъ. Чѣмъ необходимѣе, по мнѣнію эволюціонистовъ, инстинктъ для сохраненія жизни недѣлимаго, чѣмъ ранѣе онъ появился въ исторіи развитія животнаго царства, чѣмъ продолжительнѣе онъ практиковался въ немъ, тѣмъ болѣе глубокіе слѣды онъ долженъ былъ оставить въ нервной системѣ и тѣмъ сильнѣе, слѣдовательно, должна быть его власть надъ недѣлимымъ. Съ этой точки зрѣнія самыя сильныя инстинкты нужно признать инстинктъ питанія и самосохраненія. Дарвинистъ долженъ признать, что съ тѣхъ поръ, какъ явился первый комочекъ живой протоплазмы, не существовало ни одного животнаго, которое путемъ ежедневной и ежечасной заботы о своемъ пропитаніи и самосохраненіи не трудилось бы надъ закрѣпленіемъ этихъ инстинктовъ въ собственной нервной системѣ и въ нервной системѣ своихъ потомковъ. То же можно сказать и о половомъ инстинктѣ. Все живущее обязано существованіемъ наличности этого инстинкта у своихъ предковъ и потому само надѣлено сильными стремленіями къ продолженію рода. И однако эти сильнѣйшія инстинкты, при столкновеніи съ нравственными требованіями природы человѣческой, уступаютъ этимъ послѣднимъ въ силѣ. Подъ вліяніемъ

правственныхъ идей человѣкъ безбоязненно идетъ на смерть, ограничиваетъ себя до послѣдней степени въ пищѣ, такъ что иногда умираетъ даже голодною смертію, побѣждаетъ въ себѣ страсть къ продолженію рода. А между тѣмъ нравственныя стремленія, если бы они были ничѣмъ инымъ, какъ простымъ инстинктомъ, необходимо были бы слабѣе прочихъ инстинктовъ и не могли бы господствовать надъ ними. Начнемъ съ того, что нравственность явилась довольно поздно въ исторіи развитія органической жизни — въ человѣческомъ обществѣ или, если хотять, въ социальныхъ группахъ высшихъ животныхъ. Чѣмъ ниже мы будемъ спускаться по лѣстницѣ живыхъ существъ, тѣмъ чаще будемъ находить одиночную жизнь и тѣмъ менѣе будемъ встрѣчать между животными тѣ отношенія, которыя принимаютъ эволюціонистами за нравственныя вслѣдствіе ихъ внѣшняго сходства съ послѣдними. Такимъ образомъ все болѣе и болѣе будетъ исчезать даже видимость нравственныхъ отношеній. Строго же говоря, нравственность возможна лишь въ человѣческомъ обществѣ. Явившись такъ поздно, нравственность естественно не могла оставить такихъ глубокихъ слѣдовъ въ нервной системѣ, какъ напримѣръ, дѣятельность, направленная къ самосохраненію, питанію и продолженію рода.

Сильному закрѣпленію нравственности въ нервной системѣ должно было мѣшать также и то обстоятельство, что она вовсе не такъ нужна для сохраненія вида, какъ удовлетвореніе потребностей первой необходимости. Слѣдовательно, многіе изъ нашихъ предковъ могли жить долго и имѣть потомство, хотя нравственныя стремленія ихъ были ниже общаго уровня. Въ этихъ индивидуумахъ процессъ воплощенія нравственнаго поведенія въ нервной системѣ приостанавливался, а иногда даже тормозился, такъ какъ ихъ безнравственное поведеніе ослабляло тѣ нервныя отпечатки, которые получены были ими отъ предковъ. Наконецъ, если образованіе нравственныхъ инстинктовъ началось только въ человѣческомъ обществѣ, то условія далеко не благоприятствовали ихъ развитію. Въ человѣческомъ обществѣ появился новый двигатель развитія — умъ, а умъ, по словамъ Дарвина, находится въ борьбѣ съ инстинктомъ. Въ общемъ способность къ разсудочному мышленію давала болѣе видовъ

на побѣду въ борьбѣ за существованіе, а потому инстинкты за ненадобностію слабѣли. Отсюда слабость инстинктовъ у человѣка. Но если разсудокъ разрушаетъ уже образовавшіеся инстинкты, то тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ препятствовать возникновенію новыхъ.

Итакъ, по законамъ развитія инстинктовъ, нравственные инстинкты должны бы быть самыми слабѣйшими, между тѣмъ мы видимъ, что они побѣждаютъ самыя прочныя инстинктивные влеченія. Отсюда необходимо заключить, что нравственные стремленія заключаютъ въ себѣ нѣчто большее, чѣмъ инстинкты, возникшіе и развившіеся на органической почвѣ.

Уже отсюда видно, что нравственные понятія нельзя признать отвлеченнымъ выраженіемъ того, что дано въ качествѣ темнаго и инстинктивнаго побужденія. Еще очевиднѣе говоритъ противъ этого утвержденія то обстоятельство, что нравственные идеалы всегда *предвосхищаютъ* дѣйствительность. Инстинктъ—то же для расы, что привычка для индивидуума. Происхожденіе его таково. Образуется въ силу какихъ бы то ни было причинъ извѣстная обстановка жизни. Индивидуумы стремятся приспособиться къ ней. Кто не можетъ приспособиться, погибаетъ. Способные къ этому приобрѣтаютъ привычку дѣйствовать сообразно средѣ. Когда среда долго не измѣняется, въ расѣ, которая живетъ въ условіяхъ ея, образуется передаваемая по наслѣдству привычка или инстинктъ дѣйствовать соотвѣтственно съ нею. Этотъ инстинктъ у человѣка, какъ существа разумнаго, переводится на языкъ мысли, выражается извѣстнымъ понятіемъ или правиломъ нравственности. Такимъ образомъ, если бы сущность нравственныхъ понятій состояла въ томъ, въ чемъ ее указываютъ эволюціонисты, то они являлись бы уже послѣ возникновенія извѣстныхъ нравственныхъ отношеній, они равнялись бы и совершенно покрывали привычки къ извѣстному роду дѣятельности, т.-е. дѣятельность предшествовала бы правилу, а сознаніе шло бы позади воли. Совершенно обратное отношеніе между нравственною дѣятельностію и нравственнымъ правиломъ видимъ мы въ дѣйствительности. Несоотвѣтствіе поведения съ требованіями нравственности, признаваемыми обязательными, есть фактъ, одинаково имѣющій мѣсто и въ жизни частной и въ жизни

общественной. „Не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю“¹⁾—должно служить вѣчнымъ исповѣданіемъ всякой искренней совѣсти. Правственность частная и общественная обязана своимъ происхожденіемъ именно недовольству настоящимъ и стремленію пересоздать его по идеаламъ, предвосхищающимъ будущее. Идеалы всегда опережаютъ дѣятельность, теорія — практику. Способность построения идеаловъ, основывающаяся на недовольствѣ настоящимъ, есть отличительная особенность человѣка, которой чужды животныя. Какъ только является сознаніе своего я, человѣкъ смотритъ на всѣ естественно возникшія формы общезитія, какъ на существующія для него, и стремится измѣнить ихъ такъ или иначе. Культурныя и социальныя формы создались подъ сильнымъ вліяніемъ законовъ природы. Но это было творчество слѣпыхъ силъ, которыя создали общество такимъ, какимъ оно должно быть по законамъ природы и по обстоятельствамъ мѣста и времени. Если мы обобщимъ данныя въ дѣйствительности отношенія, то получимъ формулы дѣйствія естественныхъ законовъ; но эти формулы могутъ не соответствовать внутреннимъ потребностямъ человѣческаго существа, которыя тогда стремятся приспособить естественныя отношенія для своихъ высшихъ цѣлей, выйти изъ-подъ власти природы. Вотъ потому-то этика и не можетъ быть никогда основана на эмпирическихъ началахъ, на изученіи дѣйствительныхъ отношеній, какъ того хотятъ нѣкоторые мыслители. Такая этика всегда будетъ учить тому, что есть, а не тому, что должно быть. Она будетъ заключать въ себѣ принципъ неподвижности и застоя и сдѣлаетъ невозможнымъ совершенствованіе, къ которому человѣкъ стремится лучшими сторонами своей души. Законъ долженъ быть не эмпирическимъ обобщеніемъ, но доказанъ изъ природы вещи, изъ ея сущности.

Что нравственныя правила являются ранѣе возникновенія подъ вліяніемъ внѣшней среды инстинкта, побуждающаго дѣйствовать сообразно съ ними, это легко доказать. Достаточно перечислить нѣсколько изрѣченій древнѣйшихъ проповѣдниковъ нравственности, чтобы убѣдиться, что эти изреченія не могли быть даны средою, потому что дѣйствитель-

---

¹⁾ Римл., 7, 15

ныя отношенія людей того времени далеко не служили осуществленіемъ въ жизни этихъ правилъ и не могли создать въ ихъ нервной системѣ такихъ видоизмѣненій, которыя соотвѣтствовали бы этимъ правиламъ. Въ законахъ Ману мы встрѣчаемъ такія предписанія: „никогда не должно вредить другому, ни даже имѣть мысли объ этомъ“. „Тотъ, кто говоритъ о себѣ богатымъ въ выраженіяхъ, противныхъ истинѣ, самый преступный человѣкъ: онъ воровски присвоиваетъ себѣ характеръ, который ему не принадлежитъ“¹⁾. Между изреченіями Конфуція извѣстны слѣдующія: „законъ природы повелѣваетъ человѣку не дѣлать другимъ того, чего онъ не желаетъ для себя, и дѣлать другимъ то, чего желаетъ, чтобы дѣлали ему“²⁾ „Будемъ любить другихъ, какъ самихъ себя, будемъ судить о другихъ по себѣ, будемъ относиться къ имъ скорбямъ и радостямъ, къ какъ своимъ собственнымъ“³⁾. „Въ преступникахъ ненавидѣте преступленіе. Но если они возираются къ добродѣтели, примите ихъ въ свою среду все равно, какъ если бы никогда не согрѣшили“⁴⁾. Побѣждать обиды при помощи благодѣяній есть свойство великой души“⁵⁾. Развѣ такіе идеалы могли образоваться изъ обобщенія данныхъ отношеній? Если въ христіанскихъ странахъ и 19 вѣковъ спустя послѣ явленія Христа эти идеалы далеко не нашли себѣ воплощенія въ жизни, то легко представить, насколько они осуществлялись въ Индіи и Китаѣ за нѣсколько тысячъ лѣтъ до Рождества Христова и при чудовищномъ господствѣ кастъ.

Руководящее значеніе идей особенно ясно видно въ исторіи рабства. Рабство было экономическою необходимостью для древняго міра. На немъ держался весь строй римскаго государства. Въ тоже время понятіе безправнаго раба нигдѣ не было проведено такъ послѣдовательно въ жизни, какъ именно въ Римѣ. Римскіе юристы причисляютъ рабовъ къ домашнимъ животнымъ и видятъ въ нихъ одинъ изъ предметовъ торговли. Бракъ рабовъ не признавался: онъ сто-

¹⁾ *Paul Janet. La morale. p. 426.*

²⁾ *Nouvelle collection des moralistes anciens publiés s. la direction de M. Lefevre. Pensées morales de Confucius et de divers auteurs chinois, p. 14.*

³⁾ *Ibid. p. 32.*

⁴⁾ *Ibid. p. 62.*

⁵⁾ *Ibid. p. 93.*

ялъ въ зависимости отъ воли господина. Лишенные всѣхъ человѣческихъ правъ, рабы не имѣли послѣдняго утѣшенія: они не могли назвать своими даже собственныхъ дѣтей, которыя принадлежали господину. За рабами не признавалось даже права участвовать въ религіозныхъ церемоніяхъ государственной религіи: имъ предоставлялся культъ низшихъ и иноземныхъ божествъ. О жестокостяхъ и произволѣ рабовладѣльцевъ мы уже и не говоримъ, какъ о дѣлѣ слишкомъ извѣстномъ ¹⁾. Такое положеніе рабовъ было явленіемъ бытовымъ. Аристотель считалъ рабство закономъ природы, и онъ дѣйствительно правъ, на сколько это явленіе основывалось на побѣдѣ сильнаго надъ слабымъ. Но Аристотель только обобщалъ явленія современной ему общественной жизни, и выдалъ свое обобщеніе за неизмѣнный и непреложный законъ, которому слѣдуетъ подчиняться. Если бы нравственность была инстинктомъ, то подобныя обобщенія, подкрѣпленные привычкою къ поведенію сообразному съ ними, создавши для себя особый органъ въ нервной системѣ, дѣлались бы правиломъ нравственной дѣятельности, и движеніе впередъ могло бы совершиться лишь тогда, когда силы, независящія отъ человѣка, сдѣлали бы невозможнымъ рабство, а продолжительное отсутствіе его воспитало бы въ человѣчествѣ инстинктивное отвращеніе къ этому учрежденію. Однако идея незаконности рабства возникла на 18 вѣковъ ранѣе уничтоженія этого пятна, позорившаго человѣчество. Уже римскіе юристы додумались до того, что рабство не законъ природы, а злое и насильственное человѣческое учрежденіе, стоики же громко высказывались противъ него. „Чѣмъ различаешь ты, говоритъ Діонъ Хризостомъ, раба отъ свободнаго? Рабомъ называется сынъ несвободной женщины. Но знаешь ли ты, кто его отецъ? Наконецъ, почему ты признаешь невольницей его мать? Потому что у нея есть господинъ. Но если онъ поработилъ ее несправедливо, то не свободна ли она по праву? Конечно. Но если она куплена? Куплена — у кого? Но если она рождена у него? Рождена — отъ кого? Мы прійдемъ такимъ образомъ къ первому невольнику, вѣроятно, военноплѣнному или захваченному разбойниками, т. е. къ дѣлу насильственному,

¹⁾ *Paul Allard. Les esclaves chretiens. Paris 1876.*

преступному, не имѣющему ничего общаго съ справедливостью. Можетъ послѣ этого право взять это дѣло за свою исходную точку“ ¹⁾).

Но принципиально осудило рабство христіанство, провозгласивъ, что „нѣтъ уже іудея, ни язычника; нѣтъ раба, ни свободнаго; нѣтъ мужскаго пола, ни женскаго; ибо всѣ одно во Христѣ Исусѣ“. (Посл. къ Галат., гл. 3, 28). Осужденіе рабства, какъ обязаннаго своимъ возникновеніемъ грѣху, было у Отцовъ церкви простымъ выводомъ изъ этого положенія. „Никто по предписанію этой религіи (законъ Моисея), говоритъ Оригенъ, не могъ оставаться рабомъ болѣе 6 лѣтъ. Нужно ли говорить, насколько это согласно съ разумомъ, насколько справедливо опредѣляетъ отношенія между господиномъ и слугою“ ²⁾. „Бѣдность и богатство, говоритъ св. Григорій Богословъ, свободное состояніе и рабство появились въ родѣ человѣческомъ уже въ послѣдствіи времени, и какъ нѣкоторые недуги вторглись вмѣстѣ съ неправдою, которая и изобрѣла ихъ“ ³⁾. Св. Іоаннъ Златоустъ видитъ въ рабствѣ насиліе и совѣтуетъ рабамъ терпѣливо переносить его согласно словамъ Спасителя, заповѣдавшаго своимъ послѣдователямъ вообще терпѣливо переносить обиды и обращать ихъ къ своей нравственной пользѣ. „Какъ того, говоритъ онъ, кто терпитъ обиды отъ другого, Христосъ убѣждаетъ и научаетъ принимать обиду, какъ благо для себя и терпѣть ее по собственному изволенію, точно также и рабовъ учитъ Апостоль. Ибо ударившій въ ланиту рѣшилъ на такой поступокъ не по мыслямъ того, кого онъ ударилъ, а по собственной злобѣ; и однакожъ что сказано? Обрати ему и другую (Ме. 5, 39), дабы ты могъ показать, что и первая тобою не насильно подставлена...“ „Внѣшніе законы, какъ законы человѣческіе, допускаютъ еще различіе между сословіями, но законъ общаго Владыки не знаетъ никакого различія, такъ какъ благодѣтельствуется всѣмъ вообще и надѣляетъ всѣхъ однимъ и тѣмъ же. А если кто станетъ спрашивать: откуда же рабство и за-

¹⁾ *Dion Chrysostomus*. De servitute. Oratio XV. Взято въ кн. Paul Alard. Les esclaves chretiens. p. 204—205

²⁾ *Origenes*. Contra Celsum V, 43.

³⁾ *Григорій Богосл.* Творенія въ русскомъ переводѣ. Москва 1889 г. ч. 2. стр. 26.

чѣмъ оно явилось въ жизни человѣческой?... то я скажу вамъ: отъ любостяжанія произошло рабство, а также отъ невѣжества, отъ ненасытной алчности. Ной не имѣлъ рабовъ, ни Авель, ни Сиѡвъ, ни другіе послѣ нихъ. Потомъ къ произведенію рабства способствовали войны, сраженія, гдѣ стали брать плѣнныхъ“¹⁾).

Церковь не только осуждала рабство на словахъ, но стремилась уничтожить его, —впрочемъ, безъ потрясенія государства. Такъ изъ исторіи извѣстно, что выкупъ рабовъ считался у первенствующихъ христіанъ видомъ милостыни. Св. Игнатій Богоносець говоритъ о рабахъ: „пусть не домогаются получить свободу на чужой счетъ, чтобы не сдѣлаться имъ рабами страсти“²⁾. Увѣщаніе это предполагаетъ злоупотребленіе общественною благотворительностью. И дѣйствительно, изъ постановленій Апостольскихъ мы знаемъ объ этомъ обычаѣ первенствующихъ христіанъ (IV гл., 9).

Но главнымъ образомъ церковь подготовила освобожденіе рабовъ, воспитывая въ обществѣ сознаніе равенства порабощеннаго и свободнаго. У себя церковь отмѣнила рабство тотчасъ же послѣ своего возникновенія. Рабъ былъ совершенно равенъ господину въ своихъ религіозныхъ правахъ, иногда даже выше его. Господинъ и рабъ причащались отъ одного алтаря. Часто рабы были вѣрными въ то время, когда ихъ господа проходили степени оглашенія и не удостоивались присутствія при совершеніи таинства Евхаристіи. Рабы имѣли доступъ къ высшимъ церковнымъ должностямъ и, наравнѣ съ свободными, почитались какъ святые, если кончали свою жизнь мученически. Все это было полнымъ преобразованиемъ понятій языческаго Рима, преобразованиемъ, повлекшимъ уже за собою измѣненіе нравовъ и отмѣну самаго учрежденія.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что идеалы предшествуютъ дѣйствительности и не могутъ быть выраженіемъ привычки, обратившейся въ инстинктъ и воплотившейся въ самой нервной системѣ.

IV. Четвертымъ основнымъ понятіемъ эволюціонной теоріи нравственности служитъ наслѣдственность приобрѣтен-

1) *И. Златоустъ*. Бесѣды на Посл. къ Ефес. 22, 1—2.

2) *Игнатій Богоносець*. Посланіе къ Поликарпу, гл. 4.

ныхъ признаковъ. Развитие нравственности представляется ими въ такомъ видѣ. Среда требуетъ отъ человѣка извѣстнаго поведенія, подъ условіемъ котораго единственно возможно сохраненіе его и потомства. Человѣкъ подчиняется этому требованію. Мало по малу въ немъ возникаетъ привычка къ полезному для него поведенію, которая отражается на его тѣлесной организаціи. Это органическое измѣненіе передается ближайшему потомству, которое, согласно требованію той же среды и унаслѣдованному уже органическому предрасположенію, продолжаетъ вести себя такъ же, какъ его родители. Вслѣдствіе этого органическаго измѣненія, начало которымъ было положено родителями, у нихъ проявляются еще яснѣе. Такъ постепенно передаются эти органическаго измѣненія, прибрѣтенныя прародителемъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, пока не образуется инстинктъ. При этомъ каждое поколѣніе вноситъ свой вкладъ въ образованіе этого родоваго сокровища. Вся эта гипотеза покоится на предположеніи наследственности прибрѣтенныхъ свойствъ. Но это предположеніе въ современной биологіи подвергается большому сомнѣнію. Противъ Спенсера, Рибо и другихъ поборниковъ теоріи наследственности съ успѣхомъ борется Вейсманъ.

Спеціальное сочиненіе Рибо ¹⁾, написанное въ защиту этой теоріи, необудительно какъ со стороны фактовъ, приводимыхъ имъ въ доказательство наследственности душевныхъ свойствъ, такъ и со стороны ихъ истолкованія. Напримѣръ, въ доказательство наследственности музыкальныхъ способностей Рибо приводитъ между прочимъ семейство Мендельсона и Мейербера. Дѣдъ Мендельсона былъ *философъ*, занимавшійся эстетикой, отецъ *банкиръ* въ Берлинѣ, знатокъ музыки, внукъ—*писатель* и только его сестра была искусной пианисткой. У Мейербера было два брата—одинъ астрономъ, другой поэтъ ²⁾. Таковы же примѣры семьи Байрона (дѣдъ—мореплаватель, отецъ—капитанъ, дочь извѣстна математическимъ талантомъ), Есхила ³⁾, Мильтона ⁴⁾,

1) *Th. Ribot. L'Heredité psychologique. Paris. 1882.*

2) *Ribot. Op. cit., pag. 74.*

3) *Ibidem. p. 78.*

4) *Ibid. p. 79.*

Бэкона ¹⁾, Гуго Гроція, Шлегеля ²⁾). Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ видно, что 1) разнообразные таланты иногда совмѣщаются въ одномъ и томъ же лицѣ, и что 2) члены одной и той же фамилии заявили о себѣ различными талантами. Вслѣдствіе этого всѣ приведенные примѣры не убѣдительны, потому что не доказываютъ наслѣдственной передачи специальныхъ талантовъ, а лишь наслѣдственность общей силы ума, способной проявляться въ формѣ разнородныхъ талантовъ. На основаніи ихъ можно заключить, что таланты зависятъ не отъ обладанія извѣстною спеціальною частью мозга, а отъ извѣстнаго соотношенія различныхъ умственныхъ задатковъ, которые въ большей или меньшей мѣрѣ присущи всѣмъ членамъ даровитыхъ фамилій. Спеціальное же проявленіе этихъ задатковъ въ формѣ талантовъ художественныхъ, научныхъ, математическихъ и друг. отчасти можетъ быть объяснено вліяніемъ среды и спроса. Когда въ первой половинѣ настоящаго столѣтія всѣ бредили философіей, среда толкала талантливыхъ людей къ занятію этой наукой, какъ теперь ихъ она направляетъ къ изученію естественныхъ наукъ.

Что касается наслѣдственности нравственныхъ свойствъ, то Рибо приводитъ исключительно болѣзненные случаи стремленія къ убійству, воровству, бродяжничеству и проч. Здѣсь также указаны фамиліи, у членовъ которыхъ преступность проявлялась въ разныхъ формахъ ³⁾). Эти примѣры могутъ свидѣтельствовать опять только о наслѣдственной слабости общихъ психическихъ основъ нравственности вслѣдствіе чего потомство является предрасположеннымъ къ различнаго рода преступнымъ дѣйствіямъ.

Недостатокъ обсуждения фактовъ еще болѣе уменьшаетъ достоинства книги Рибо. Въ ней не проведено границы между вліяніемъ наслѣдственности и воспитанія. Между тѣмъ воспитаніе и подражаніе помимо наслѣдственности прекрасно объясняютъ, почему члены интеллигентныхъ семействъ занимали выдающееся положеніе въ обществѣ, а у преступниковъ были преступныя дѣти. Съ одной сто-

---

¹⁾ Ibid. p. 82.

²⁾ Ibidem. p. 80.

³⁾ Ibidem, p. 99.

роны, родители склонны бывают вести своихъ дѣтей по тому же пути, по какому прошли сами, съ другой, — дѣти, начиная съ подражанія родителямъ въ играхъ, кончаютъ тѣмъ, что усваиваютъ себѣ родъ ихъ занятій.

Итакъ, наследственная передача специальныхъ талантовъ сомнительна. Но если и допустить ее, то остается еще вопросомъ, возможна-ли наследственная передача *приобрѣтенныхъ* психическихъ свойствъ.

Въ доказательство возможности такой передачи ссылаются на нѣкоторые факты наследственной передачи тѣлесныхъ поврежденій. Но специалисты находятъ возможнымъ объяснить эти явленія изъ другихъ причинъ помимо наследственности. Обсужденіе этихъ явленій выходитъ изъ сферы нашей специальности и кромѣ того отклонило бы насъ въ сторону отъ прямой задачи. Читатель, интересующійся этимъ вопросомъ, подробности можетъ найти въ книгѣ Вейссмана ¹⁾. Наше сомнѣніе въ возможности наследственной передачи приобретенныхъ свойствъ основывается на слѣдующихъ фактахъ, указанныхъ Вейссманомъ. Этимъ естествоиспытателемъ сдѣланъ опытъ надъ бѣлыми мышами. Онъ воспиталъ 18 поколѣній этихъ животныхъ, отрѣзывая въ каждомъ поколѣніи хвостъ у самцовъ и самокъ. Не смотря на то, что это уродство производилось послѣдовательно надъ каждымъ поколѣніемъ, потомство рождалось неизмѣнно хвостатымъ, при этомъ не было замѣчено даже ни одного отклоненія отъ нормы въ величинѣ хвоста. У человѣка, какъ показываетъ историческій опытъ, также физическія поврежденія не передаются наследственно. У Евреевъ съ незапамятныхъ временъ существуетъ обычай обрѣзанія, тѣмъ не менѣе они не рождаются обрѣзанными. Точно также не передаются наследственно отверстія, дѣлаемые нѣкоторыми народами для серегъ въ носу и ушахъ, и изуродованныя ноги китайскихъ женщинъ ²⁾.

Изученіе родословной знаменитыхъ художниковъ, мыслителей и математиковъ также показываетъ, что происхожденіе талантовъ нельзя объяснить постепеннымъ развитіемъ

¹⁾ Aug. Weissmann. Aufsätze über Vererbung und verwandten biologischen Fragen. Jena. 1892. Особенно глава VIII.

²⁾ Weissmann. Op. cit. S. 522—528.

мозга въ одномъ и томъ же направленіи подъ вліяніемъ упражненія, повторяющагося въ послѣдовательномъ рядѣ поколѣній. Если бы таланты были унаслѣдованнымъ результатомъ упражненія предшествующихъ поколѣній, то самыя блестящія изъ нихъ рождались бы въ концѣ ряда, но, какъ показываютъ родословныя Баховъ и Бернулли, они неожиданно вспыхиваютъ въ срединѣ рода, а потомъ замѣтно начинаютъ убывать ¹⁾).

Изъ приведеннаго краткаго очерка современнаго положенія вопроса о наслѣдственности пріобрѣтенныхъ свойствъ, мы можемъ вывести по крайней мѣрѣ то заключеніе, что вопросъ этотъ не рѣшенъ окончательно и продолжаетъ раздѣлять біологовъ, и что, слѣдовательно, этотъ камень въ зданіи эволюціонной этики нужно признать по меньшей мѣрѣ ненадежнымъ.

Критическая оцѣнка эволюціонной морали приводитъ насъ къ тому выводу, что всѣ понятія, лежащія въ ея основѣ, возбуждаютъ противъ себя значительныя сомнѣнія, которыя и не позволяютъ намъ остановиться на этомъ модномъ въ настоящее время ученіи.

И. Поповъ.

---

¹⁾ *Weissmann*, Ibid. S. 109.